

Мифология как аспект исторического знания

Блюхер Ф. Н.,
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматривается современный количественный подход в исторической науке, связанный с обработкой статистических материалов. Анализируются недостатки этого подхода, с точки зрения третьей антиномии И.Канта. Показывается зависимость научных и идеологических выводов в исторической науке. Анализируется опасность возникновения мифов в исторической науке.

Ключевые слова: логика истории, наука, мифология, идеология, простое и сложное

Логика против статистики в исторической науке

В соответствии с философской традицией наука противостоит мифологии при помощи логики. Понятие «логика» означает упорядоченность и необходимость. Понятие «история» предполагает случайность и неопределенность. Когда мы говорим «логика истории», то мы хотим сказать, что в неопределенности есть некоторая необходимость. Собственно говоря, мы в этом не сомневаемся. Так, рассматривая современный мир экономики, мы употребляем понятие «биржевая коррекция стоимости акций» и считаем его вполне понятным объяснением при оценке влияния финансовой составляющей на экономические процессы. Чтобы показать, как работает логика истории, достаточно сопоставить графики неурожая и сроков зачатия в Руане в XVI веке и расчет необходимости потребления определенного набора калорий по мере взросления человека. Выводом из такого исследования может стать объяснение повышенной подростковой смертности в определенные годы XVI столетия. Как метафора понятие «логика истории» означает надличностную коррекцию рационального поведения индивида при переходе в оценках ее результатов от индивидуального масштаба к массовому.

Соответственно выбор логики истории означает выбор нами масштаба рассмотрения исторического события. Так получение нами денежной премии может на следующий день оцениваться нами положительно, через несколько лет забыться, а по истечении многих лет опять вспомниться и приобрести как безусловно положительную, так и резко отрицательную оценку, в зависимости от того, как мы оценим это событие с точки зрения уже прожитых лет.

Масштабы марксистской парадигмы истории — это исторические формации (тысячелетние периоды). Субъекты этих формаций могут называться классами, но возникает вопрос — можем ли мы их отыскать в каждом десятилетии, тем более обнаружить между ними классовый антагонизм и решить, какой из этих классов прогрессивный, а какой — реакционный. При такой постановке задачи мы перестаем работать как ученые, потому что используем не научные, а идеологические инструменты.

Но существуют и другие масштабы. Например, военная история. Там мы имеем дело с армиями, государствами, коммуникациями, вооружением, придворными интригами; их взаимосвязь неплохо показана у Клаузевица. Понятно, что события в такой истории более быстротечны. Тридцатилетняя война — исключение, а Столетняя — метафора для феодального периода истории государства. Поэтому, когда появляется гипотеза, что Кутузов преднамеренно не разбил Наполеона во время русского похода, потому что состоял с ним в одной масонской ложе, совершенно очевидно, что мы имеем дело с «историей», которая ничего общего не имеющего с военной.

Я уж не говорю об экономической истории, истории государства и права, истории искусства и т. п. Каждая имеет масштаб своих собственных событий и, в соответствии с их темпоральностью, свою «логику».

Я бы хотел обратить ваше внимание на одно историческое исследование. Его автор Эммануэль Ле Руа Ладюри. Оно называется «Застывшая история». Исследование проведено в 1973 году¹. Исследовав численность населения Франции с 1300 — 1320 по 1720 — 1730 годы он смог показать, что оно за это время не изменилось и колебалось в пределах 15—20 млн. человек. Впоследствии эти же исследования были проведены во всех европейских странах, всюду были получены сходные результаты за исключением Англии. В качестве объяснения этого феномена использовалась эпидемиологическая модель Эдвардса. Можно утверждать, что в течение четырех веков, несмотря на всю пестроту исторических событий, которые происходили в Европе, в каком-то плане они подчинялись тем же самым законам распространения смертельных заболеваний и смерти, что и у обезьян на изолированных островах в океане. А потом возникла санитария, и смертность резко уменьшилась.

Однако исследование Ладюри касается не специфически человеческого признака. Модель Эдвардса применима к человеческой истории потому, что и люди, и обезьяны одинаково подвержены смерти. Если же мы исследуем человеческую историю, то должны обратить внимание на сам факт истории медицины, которая позволила человеку «выйти из животного состояния», описываемого моделью Эдвардса. В таком случае все участвующие в этом эпизоде человеческой истории люди, врачи, медсестры, философы, ученые, правители (Екатерина II, которая сделала прививку от оспы себе и наследнику) и другие внесли свой необходимый вклад в возникновение нового состояния человечества.

Мы можем оценивать вклад того или иного исторического деятеля, например, Наполеона, с точки зрения изменения надличностного существования человека. Известно, что на завоеванных европейских территориях в целях улучшения управления Наполеон вводил такой институт права, как суды присяжных, что скорее всего являлось прогрессивной мерой, но с другой стороны, именно он, по мнению Клаузевица, впервые сделал войну тотальной. То есть до Наполеона у каждой страны был отдельно существующий институт армии, и воевали между собой не страны, а армии стран. В наполеоновских завоеваниях французская армия представляла собой весь народ Франции. В течении XIX и XX веков эту модель организации нации перенимает Пруссия, Япония, Германия. Тем самым, истоки

¹ Э. Ле Руа Ладюри. Застывшая история // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. т.1, вып. 2. с. 153 — 173, М., Начала — Пресс, 1993

тоталитаризма XX века были заложены именно в этом преобразовании государственных институтов одной отдельно взятой европейской страны. И во главе их стоял император-революционер. Зная, во что впоследствии превратится созданная Наполеоном модель взаимодействия государства и армии в процессе завоевательных войн, я бы оценил его вклад в историю человеческой цивилизации скорее как отрицательный.

Индивид логичен и рационален. Он рассчитывает свое поведение при помощи арифметики и делает выводы из этих расчетов по законам логики. Но его логика имеет границы, она человекоразмерна. Тем самым, само слово «логика» может иметь разное значение в зависимости от предмета, к которому она прилагается. Логика истории действует скорее на основании статистическим законов больших масс. В ней есть свои события, которые иногда на масштабе человекоразмерности не видны. Не так давно мы совершили путешествие вокруг Аннапурны. В течение нашего похода постепенно исчезали цивилизационные артефакты. Сначала международные аэропорты с самолетами, потом города, затем дороги с твердым покрытием, потом здания школ, стоящих у дороги. В какой-то момент мы оказались в горном поселке Мананг, который мой спутник охарактеризовал как минимально достаточный уровень цивилизации. Там был аптечный пункт с современными лекарствами, почта, до него доходила дорога, по которой могла проехать машина, в самом городке был неплохой ресторан. Дальнейшее восхождение постепенно лишило нас аптеки, относительно недорогой связи. Понятно, что относительно нормальные пункты питания были на протяжении всего нашего маршрута, иначе мы бы просто не дошли до цели. Но сама цель была обозначена тропой в горах и кружкой горячего чая под крышей низкой каменной хибары. Убежище, минимум позволяющее не умереть, и какие-то пути перемещения не являются признаками истории человека, все это есть и у животных. А вот каждый из перечисленных выше цивилизационных артефактов, относящихся к истории цивилизации: дальние перемещения, города, дороги, медицина, образование, машины, связь, кухня — были ступенями в развитии человечества. Их нужно было придумать, освоить, внедрить, сделать обыденностью.

Если мы придерживаемся принципа простоты, то вывод может быть однозначен: все те люди, которые делали эти достижения доступными для всех других людей должны оцениваться в истории цивилизации положительно. А те, которые по каким-либо причинам, делали так, чтобы остановить порыв к распространению цивилизационных достижений человечества — отрицательно. С помощью логики человек делает свой индивидуальный выбор в большой истории, которая подчиняется не столько логике, сколько статистике больших чисел. Поэтому основным инструментом позволяющим делать выводы об историческом процессе является не логика, а статистика.

«Простое» против «сложного» в историческом исследовании

Вооружившись таким критерием, мы можем выносить философскую оценку историческому исследованию. Вторую мировую войну Германии против СССР можно рассматривать и как завоевание, и как освобождение от сталинской диктатуры. Критерий простой. После завоевания жизнь завоеванных в цивилизационном плане становится хуже, а

после освобождения — лучше. Но, если с оценкой Великой отечественной войны все очевидно, попробуем перенести тот же критерий на более современную историю. Сравним результаты правления Горбачева и Ельцина. При Горбачеве стало лучше, при Ельцине — хуже. Все просто, когда задачу удастся свести к элементарным критериям, но сама по себе простота при решении задачи не всегда есть синоним истинности. Тем более, что одно из утверждений антитезиса второй антиномии Канта звучит «и вообще в мире нет ничего простого».² И если вдуматься, то действительно мы можем поставить вопросы к каждому из членов этого высказывания. 1. Нужны критерии оценки (желательно количественные), по которым мы можем создать шкалу определений «лучше — хуже.» 2. Нужно понять, к кому относится эта оценка, кто вообще субъект, выносящий оценку (страна, народ, население или американские масс-медиа). 3. Что означает «при Горбачеве» или «при Ельцине»? То есть, какие именно решения приводили к улучшению или ухудшению субъекта, выносящего оценку. Ведь вполне возможен вариант, когда оба политических деятеля сделали достаточное количество ошибок, приведших к состоянию «лихих 90-х». И самое главное, возможно, это не Горбачев и не Ельцин, а Сталин, коммунисты, царский режим или... татаро-монголы — источник всех наших бедствий. Рассмотрим эти возражения по очереди.

1. Существует масса индексов, определяющих то или иное положение страны в своеобразном табеле о рангах. Но даже индексы, созданные такими международными организациями как ООН и ЮНЕСКО, не признаются большинством экспертов как безусловно объективные показатели. Прежде всего, в силу того, что количественные показатели, которыми они оперируют, могут относиться к различным типам обществ. Современный мир делится на государства, но сами по себе эти социальные институты могут находиться на совершенно различной стадии своего развития: рыночные демократии, авторитарные олигархии, теологические демократии, тоталитарные королевства и другие государственные институты, имея в принципе один и тот же набор инструментов, таких как рынок, правосудие, образование, международные отношения, могут функционировать по-разному, что при количественном подсчете официальной статистической информации может давать неожиданно противоречивые результаты. В любом случае, тот или иной индекс дает лишь мгновенный информационный срез, он безусловно важен, когда есть статистическая закономерность хотя бы вековой длительности, но, прежде чем делать какие либо выводы на основании математической статистики, нужно четко понимать, к какому именно историческому процессу относится измеряемая нами величина. Так Симон Кордонский утверждает, что «советский статистический эпос — это больше неинтересно. Он подается, как будто это была ложь. А получается так, что это не ложь, это особая правда. Один наш сотрудник... посмотрел зависимость между статистическими данными и директивными решениями — указами президента, директивами правительства... Оказалось, что наша статистика отражает не материальную базу, а влияние управляющих воздействий на нашу реальность. То есть статистика — это вовсе не инструмент получения знаний о реальности, а инструмент получения знаний о том, насколько действительна власть в управлении сконструированной ею реальностью. Поэтому ставить вопрос о достоверности этой

² Кант И. Сочинение в шести томах, М., Мысль, 1964, Т. 3 С. 411.

статистики просто бессмысленно. Наша российская статистика достоверна потому, что она на это и нацелена.»³

2. Необходимо понять, за счет чего происходит то самое развитие, которое позволяет выносить оценку «лучше». Например, XVII считается «золотым веком» в истории Голландии, что подтверждают данные ее финансового, экономического и культурного развития, но во многом это развитие обусловлено масштабным участием в африканской работорговле и широким притоком эмигрантов из немецких княжеств. При этом срок жизни такого эмигранта, обусловленный тяжелой эксплуатацией и условиями жизни в Амстердаме XVII века, ограничивался чаще всего несколькими годами. Именно поэтому оценка своей прежней истории приводит к тому, что современные Нидерланды готовы рассмотреть вопрос об отказе от наименования «Голландия» для исправления имиджа государства. Безусловно, это только отказ от названия, но он приходит вместе с изменением людей, которые не хотят, чтобы их ассоциировали с той страной, за действия которой в прошлом им стыдно в настоящем. Если бы им было все равно или они гордились бы своим прошлым, такого действия скорее всего не происходило бы. Возникает невольно вопрос, современные жители Нидерландов являются потомками голландцев или с отказом от прошлого они приобретут новую сущность? Объект, который по прошествии лет изменяется настолько, что приобретает другое имя, остается прежним объектом или нет? Приняв мусульманство как религию, арабы, персы и турки стали уммой или так и остались арабами, персами и турками? И в какой момент разрозненные племена Аравийского полуострова, персидских оазисов, тюркских кочевий стали тем или иным принявшим мусульманство народом? Если же мы вернемся к нашей недавней истории, то важно понимать, что субъекту с идентичностью «советского человека» перемена власти в стране в начале 90 годов не принесла ничего хорошего, но субъект с идентичностью «украинец», «русский», «еврей» и т. п. может находить в тех же самых событиях положительные коннотации. Это различие может касаться не только национальной идентичности, но и того места в имущественной структуре государства, которое занимал человек при процессах приватизации.

Наконец, ответ на последнюю серию вопросов. Если сложность в создании объективных критериев оценки или самоопределении актора оценивания можно отнести к изменяющимся критериям исторического знания, и у нас есть хоть какая-то надежда, что с развитием науки и социальных отношений в этих областях будет найден более или менее удовлетворяющий большинство людей ответ, то вопрос о причинности тех или иных исторических событий ставит перед исследователем фундаментальные вопросы. Но прежде чем мы приступим к их изложению, необходимо разделить исторические знания на идеологические и научные. В нашей интерпретации «идеологические» не означает ложные. Это смесь научных данных, обыденных представлений, религиозных и квазирелигиозных установок, которые помогают людям устанавливать надличностную коммуникацию в процессе согласования сложных социальных действий⁴. При этом нужно признать, что, так как идеология при построении коммуникационных шаблонов использует так же и научные

³ См.: <https://lenta.ru/articles/2019/11/02/jugajaga/>

⁴ Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л. Священные войны секулярной эпохи // Философия и идеология: от Маркса до постмодернизма. М.: Прогресс-Традиция, 2018. с. 198–218.

данные, то объективные сложности, существующие в исторической науке, находят свое выражение и при использовании ее выводов в идеологии.

Существует две принципиальные проблемы в обоснование предмета исторической науки, которые связаны с антиномией «сложности — простоты». Первая напрямую связана с вопросом «что исследует история?», обозначим ее как «За», вторая — с методом исторического исследования, с соответствующим обозначением «Зб». При этом мы признаем существенную связь формирования предмета истории и используемого ею метода.

За. В отличие от естествознания, предмет истории не может быть однозначно определен эмпирическим образом как существующий во времени и пространстве. Это не тело, не механическое перемещение, даже не «Ding an sich»; это ряд событий, происходивших во времени и связанных между собой. Относиться эти события могут по большому счету к любому предмету (территории, народу, искусству, культуре, государству и праву, войне и т. п.) или периоду времени (античности, Столетней войне, «реальному социализму», Великой отечественной войне, определенному году или событию, охватывающему несколько дней или даже продлившемуся несколько минут), более того, есть истории непосредственно включающие в свои названия метод, которым они связывают эти события (история повседневности, история ментальности). По большому счету, историей может быть названа любая последовательность событий, которые объединяются вокруг какого-нибудь предмета. Это многообразие предметов и их взаимосвязь между собой делает применение критерия простоты нереальным. Можно утверждать, что предмет исторической науки сам историчен, т. е. является цепью событий саморефлексии человечества. Но само отличие человечества от животного мира составляет научную проблему, поэтому уже на первом шаге в самом определении предмета заложена некоторая сложность.

С точки зрения идеологии мы также упрощаем предмет. Оставим в стороне крайние случаи примитивных идеологических схем, присущих наивным ксенофобским идеологиям, предположим, что мы имеем дело с образованными людьми. Любой из них сразу же воспроизведет фундаментальную схему деления европейской истории на античность, Средние века, Новое время и Новейшую историю. Эту схему мы получили через обучение в школе и институте, в соответствии с ней строятся книги по истории искусств, военной истории, юриспруденции и т. п. Нам кажется, что это самое естественное деление, близкое любому образованному человеку. И нам может быть невдомек, что у неевропейца деление истории может быть совсем другим. Что события, происходившие в Мекке, Медине и на Ближнем Востоке в VI — VIII веках могут быть для мировоззрения современного образованного мусульманина все еще актуальными. По мере удаления от Европы вопросы о периодизации ее истории становятся все более второстепенными. Так, у буддистов Тибета может быть своя историческая периодизация, точно также, как и у современных граждан Китая. Кстати, упрощенный взгляд, свойственный идеологии, помогает людям разных культур легче найти взаимодействие в реальной жизни. Современные туристы, путешествуя по различным странам мира, легко подчиняются законам и историческим традициям той страны, в которой они находятся. В то же время в мусульманском Египте в отелях для туристов естественно организуют празднования христианских религиозных праздников, если в результате этого можно получить дополнительный доход.

Зб. Однако любой историк скажет вам, что историком его делает мастерство, методика работы с источниками — историография. Возможно поэтому вопрос о профессиональной специализации для историка существенно зависит от знания языка источников, с которыми он работает. Сделаем простой логический шаг. Представим, что нам нужно обосновывать не всю историю человечества, а конкретную историю конкретного дела, и мы владеем неким мастерством восстановить цепь событий так, чтобы получить однозначный ответ на поставленный вопрос. Однако остается вопрос, можем ли мы считать данный ответ окончательным. Например, со временем в нашем распоряжении могут появиться новые источники (в сравнительном исследовании сталинизма и нацизма исторические источники по сталинизму появились только в начале XXI века)⁵, сравнительный анализ источников может привести к неожиданным результатам (заочная дискуссия А.А. Зиминой и А.А. Зализняка о «Слове о полку Игореве»), новые данные, полученные в смежных науках (филологии, лингвистике, археологии), могут поставить прежние выводы под сомнение, а то и опровергнуть их (дискуссия об авторстве «Тихого Дона»). Так как наш метод постоянно развивается, у нас нет гарантии, что с уточнением метода мы не получим несколько другой результат. Поэтому, делая какой-либо вывод в рамках конкретного исторического исследования, в котором не доступен эмпирически подтверждающий опыт, мы можем формулировать окончательный вывод лишь как вероятностное высказывание. Но сама форма вероятностного высказывания не проста, потому что включает в себя модальность и может считаться истиной при положении, что незначительные перемены в основаниях могут привести к значительным событиям в следствиях.

Конечно, метод существенно меньше зависит от идеологии, в конечном счете именно методология делает историческое исследование научным, но, с другой стороны, ученый может оказаться пленником определенного метода. Так, расхождение историков классической школы Анналов и Ф. Броделя было обусловлено в том числе и методикой работы с источниками. Для такого историка Нового времени, каким был Бродель, понятие ментальности, широко используемое медиевистами Анналов, было излишним. Здесь важно понимать, что при определенной методике работы источником для вывода профессионала может служить разнообразный материал, но для достаточности вывода должна быть сформирована репрезентативная база.

Там, где количества и разнообразия источников для создания репрезентативной базы недостаточно, может возникнуть опора на общенаучную картину мира или на идеологию. Так, вся история с «новой хронологией» профессоров А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского исходила первоначально из того, что единые правила для летоисчисления сложились только в XV столетии и, следовательно, в более ранней источниковедческой базе могли обнаружиться существенные ошибки. Продуктом по преимуществу идеологическим являются и институты памяти в странах бывшего СССР и Варшавского договора. Необходимая работа по исправлению искажений реальной истории, которая происходила в

⁵ За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., Российская политическая энциклопедия., 2011

период господства марксистской идеологии в этих институтах подменяется чаще всего новой идеологизацией, основанной на местном национализме.

Итак, подводя промежуточный итог, мы можем констатировать, что ни при конструировании предмета исторической науки, ни при выборе ее метода мы не можем руководствоваться критерием простоты. Но, с другой стороны, остановиться на неизбежной сложности мы тоже не можем. Во-первых, это запрещает нам тезис второй антиномии Канта, который утверждает, что «вообще существует только простое и то, что сложено из простого»⁶, во-вторых, Р. Декарт, А. Пуанкаре и наш собственный обыденный разум рекомендуют разделить проблему на простые составляющие и начинать свой анализ с этих простых сущностей. И, если мы с вами хотим оставаться рациональными людьми, то должны согласиться, что хотя сам вывод из рациональных оснований может быть достаточно сложный, но для ученого главным является то, чтобы при его помощи можно было решить рационально поставленную задачу.

Диалектика простого и сложного, взаимосвязь науки и идеологии.

До сих пор мы с вами решали достаточно простую задачу: у нас был один, от силы два идеализированных ученых, которые владели одним методом. Реальность сложнее. Ученых много и они владеют несколькими методами решения одной и той же задачи. По существу, конкуренция методов — естественное состояние науки. И здесь критерий простоты решения оказывается не лишним. Однако, нужно понимать, что это за «простота». Это простота решения большого комплекса задач, которые могут относиться к разным классам явлений. Так законы классической механики могли быть применены не только к баллистике, но и к мостостроению, строительству зданий, проектированию автоматов и машин и другим областям, в которых до создания преобразований Лагранжа мог быть свой собственный теоретический уровень решения конкретных задач. При этом, хотя уровень математической сложности лагранжевой механики существенно превосходит классические построения Ньютона, в целом за счет ее применимости к существенно большему классу задач общий уровень сложность в физике в целом был снижен. Если мы вернемся к исторической науке, то секвенирование генома человека — задача, требующая большого уровня технологической и теоретической сложности, однако во многом благодаря решению этой задачи сегодня переписывается история антропогенеза и многие проблемы, казалось бы неразрешимые при прежнем подходе, находят свое решение. Можно даже утверждать, что на уровне взаимодействия множества ученых мы можем констатировать наличие определенной диалектики «сложности» и «простоты».

Это легко объяснить тем, что множество ученых, которых мы рассматриваем в этом примере, мы берем так же в идеализированном виде. Это множество обученных решать задачи людей, которые ищут наиболее рациональный способ их решения, и сам способ такого решения постоянно подвергается теоретической и эмпирической проверке. Перед нами чистое Сознание, которое к тому же само себя контролирует или, говоря словами Канта, Самосознание.⁷ Этот объект, безусловно очень удобен для философского

⁶ Кант И. Сочинение в шести томах, М., Мысль, 1964, Т. 3, с.410

⁷ Кант И. Сочинение в шести томах, М., Мысль, 1964, Т. 3 с.417–418

исследования, но необходимо помнить, что он целиком находится в области ноуменов, и так как ему невозможно противопоставить ничего, определяющего его границу, то, если исходить исключительно из череды смены идей в нем, найти критерий, отделяющий чистую фантазию от научного исследования, представляется невозможным.

Однако выше, определяя предмет истории, мы признали его саморефлексией всего человечества, а не только отдельного класса его представителей. Поэтому на этом шаге мы вынуждены ввести в наш анализ если не все человечество целиком, то тех людей, которые заинтересованы в труде ученых, заказчиков результата этого труда, людей, которые платят деньги за выполняемую историками работу. Условно скажем, что это просвещенный правитель, которому в целях мобилизации своих сторонников необходим миф, объясняющей большинству подданных естественность сложившегося положения дел, при котором эти подданные, выполняя работу под началом сторонников, укрепляют власть правителя. Теперь заменим «правителя», «сторонников» и «подданных» переменными «х», «у» и «z». Словосочетания «выполняет работу», «укрепляют власть», «мобилизуют сторонников» будем считать группой сказуемых, объединенных общим понятием «осуществляет власть». Можно подумать, что речь в любом случае идет о власти как результате насилия, хотя, в действительности, речь идет о власти как результате подчинения. Именно выгода, которую получают в результате подчинения власти все участники данной формулы, делает ее устойчивой. При этом реальными переменными в этой формуле могут быть не только Горбачев и Ельцин, члены КПСС или «сторонники рыночных реформ», «советский человек» или «россияне», им может стать любой исторический деятель, любая структура власти, любые подданные. Ключевым элементом нашей гипотезы является «миф, объясняющий большинству подданных естественность сложившегося положения дел». Именно здесь происходит взаимодействие научного знания и идеологии, о котором мы упоминали выше. И мы специально используем слово «миф», чтобы обозначить принципиальное отличие использования разрозненных научных данных в разных парадигмах исторического знания, и то смешение фактов науки и обыденных представлений, которое наблюдается в идеологии.

Мифология как форма исторического знания

Бытует мнение, что мифы выдумывает власть и народ, а историки их разрушают. В действительности все гораздо сложнее. Мифы выдумывают и историки для решения означенных нами выше противоречий. Но «миф» историка связан с методикой работы и господствующим в тот момент в человеческом обществе мировоззрением. Средневековый летописец вполне мог верить, что «черти вытоптали виноградники», так же как Карамзин при написании «Истории государства Российского» был искренне убежден в благе самодержавной власти для своей страны.

Для того, чтобы понять, как это происходит, мы должны обратиться к анализу материалов, с которыми работает историк и к методу его работы. Исходя из общего деления наук, история — эмпирическая наука. Историк собирает отдельные сообщения о событиях прошлого и пытается связать их вместе путем реконструкции, чтобы получить более или менее правдоподобное объяснение того, почему последующая история пошла именно таким

образом, а не другим. При этом, так как случайность при объяснении тех или иных событий никто не отменял (битва при Карансебеше в 1788 году или Февральская революция в России в 1917 году⁸), историку важно найти событийный инвариант. Уже на этой стадии, при подборе первичного эмпирического материала, необходима некая реконструкция выборки источников, с которыми работает историк. Даже если мы ограничимся только традиционными письменными источниками: официальная статистика, частно-правовые акты, воспоминания современников, письма участников или эго-тексты могут давать нам очень противоречивую картину не только прошлого, но и современности. Как это ни парадоксально звучит, но науки о современности даже не может быть, потому что ее оценка целиком находится в области идеологии. Поэтому любые реконструкции современности, приводящие к спорам, чаще всего заканчиваются фразой: «будущее покажет». Не проясненным про этом оказывается два важных вопроса: «Чье будущее?» и «Как именно покажет?» Но ровно те же самые вопросы имеют непосредственное отношение к истории.

Имея дело с источниками, описывающими какие-то единичные события, нам важно знать чью историю мы видим в этих событиях: господина «х», семьи господина «х», города «N», страны, государства, народа, класса или цивилизации. Вот этот-то объект нам и предстоит реконструировать при создании предмета «История X». Вполне возможно, что при оглашении завещания господина «х» история этого господина будет актуальна для его наследников, но в том будущем, которое мы хотим узнать, изучая прошлую историю, нас больше всего волнует то, к чему нам предстоит приспособляться вскоре: к росту цен на ЖКХ, полицейскому произволу, государственному регулированию, падению цен на нефть или мировому экономическому кризису. Конечно, мы не можем влиять на наступление этих событий, они происходят с объектами большого социального масштаба: страной, экономикой, рынком. Поэтому мы и хотим знать их историю, чтобы понимать, что будет с «нами» при стоимости нефти в 10\$ или реальной смене первого лица у руля государственной машины. Важно также знать, что многие из этих понятий могут иметь искусственный социальный характер⁹, и все они, в свою очередь, как социальные объекты подчинены законом истории, т. е. было время, когда их не было или их функционирование происходило по-другим законам и назывались они по-другому¹⁰.

Реконструкция, которой мы пользуемся в настоящем, производится историками при описании прошлого. Описывая государство, народ, страну историк выделяет существенные признаки этих объектов и пытается найти их описание в документах прошлого. Это могут быть престолонаследные акты или описания народных восстаний, архивы крупных помещичьих хозяйств или статистические данные губерний, летописи или церковные книги. В любом случае при сборе первичных материалов происходит генерализация понятия, к которому, по мнению историка, относиться найденный им материал. В этом проявляется отличие историка, т. е. знатока прошлого от наблюдателя настоящего. Любой знаток

⁸ По воспоминаниям участников событий солдатский бунт, случившийся в Петрограде 27-28 февраля 1917 года, был стихийным явлением, к организации которого ни одна из действующих политических партий отношение не имела.

⁹ Гурко С.Л. Несколько слов о некоторых словах // *Vox – философский журнал* №25 2018 С.287 — 297 <https://vox-journal.org/content/Vox%2025/Vox%2025-23-Gurko.pdf>

¹⁰ Бурдые П. Экономическая антропология М., РАНХиГС, 2019

настоящего не знает будущего, оно не предопределено, а историк «знает будущее» того идеализированного объекта, который он исследует.

При этом, говоря о знании будущего, мы должны сказать о том, что существует как бы два «будущих». «Будущее» как событие, которое произойдет на основании выделенных мною признаков, существенных для функционирования какого-либо объекта¹¹. Так рассчитывая колебания рынка российских акций, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что существенные изменения на нем зависят от колебаний американского и европейского рынков акций, что связано прежде всего с развитостью этих рынков и тем насколько большие объемы денежных масс на них циркулируют. Это позволяет с определенной долей вероятности рассчитать краткосрочную динамику колебания курса акций и выстроить стратегию краткосрочных вложений. Но предсказать финансовые кризисы при помощи данной методики невозможно. Изучение основных финансовых кризисов в XX веке показывает, что все они произошли неожиданно и в результате совершенно разных причин. Следовательно, остается предположить, что существует по крайней мере еще одно ожидаемое «будущее».

Это будущее иного масштаба. Будущее окончание одного периода истории и начало другого периода. Собственно говоря, это и есть то «будущее», с которым имеет дело историк. Здесь нам представляется важным подчеркнуть принципиальное отличие нашей схемы от мысли неокантианцев. Баденцы исходили из того, что история прежде всего уникальная цепь событий, мы же, вслед за Ф. Броделем, считаем что, история осуществляется через серии циклов различного масштаба. Предположим, что историк, изучая прошлое, имеет перед собой массив источников, которые описывают ему последовательность событий, произошедших во времена оные. Его целью является 1) найти недостающие документы, 2) связать между собой события таким образом, чтобы они в какой-то степени оказывали влияние друг на друга, 3) выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой его интерпретация взаимосвязи прошедших событий имеет преимущества перед другими интерпретациями. При этом, и при нахождении связи между прошедшими событиями, и при выдвижении гипотезы историк исходит не только из знания о множестве событий, случившихся в определенный период времени, но и из знания того, чем данный период времени закончился. Так, возвращаясь к истории экономики и рассматривая ее подъем в годы после Первой мировой войны мы знаем, что этот подъем закончился Великой депрессией 30-х годов, а успешная торговля банковскими дериватами в начале XXI века закончилась кризисом 2008 года.

Ученый гуманитарий и эмпирик естествоиспытатель в начале своей работы решают сходную задачу, они ищут инвариант среди множества данных. «Историк, устанавливающий хронологию событий прошлого, всегда стремится выявить и сопоставить множество независимых исторических свидетельств, выступающих для него в функции данных

¹¹ «Для формирования факта необходимо сравнить между собой множество наблюдений, выделить в них повторяющиеся признаки и устранить случайные возмущения и погрешности, связанные с ошибками наблюдателя» Степин В.С. Теоретическое знание М., Прогресс-Традиция, 2000, С.156.

наблюдения»¹². Нахождение инварианта приводит к поискам существенной связи между признаками, объектами или наблюдаемыми событиями в экспериментальном естествознании и в этот момент обнаруживается разница между конструированием предметов естественнонаучного и исторического познания. Если в естествознании признаки, объекты или события подчиняются безличностным законам, то одним из объектов истории всегда остается разумный человек своей эпохи. Можно сказать, что это онтологическое основание отличия естествознания от социальных и гуманитарных дисциплин. Однако это отличие должно найти свое выражение в эпистемологическом и методологическом материале. С точки зрения эпистемологии объект естествознания по отношению к срокам человеческой жизни статичен. Инварианты его изменений остаются прежними за сроки человеческого существования. Объект же социальных и гуманитарных наук историчен, иногда в течении жизни одного поколения он существенно меняется. В методологии естествознания это выражается в правиле исключения телеологического и антропологического объяснения в процессе обоснования первичных эмпирических фактов. Процесс этот начат еще Френсисом Беконем и именно у него телеологические объяснения природы получили название «призраков рода». В историческом познании исключить телеологию в принципе оказывается невозможно, целесообразность человеческого поведения должна рассматриваться историками как естественные свойства изучаемого объекта. Это нашло свое выражение в философии Фихте, Гегеля, философии жизни, марксизме и либерализме. Культура человека, сам человек, созданные им социальные институты и технологии изменяются в течении его жизни, в том числе в соответствии с теми целями, которые человек считает для себя важными в тот или иной момент истории. Так после Великой депрессии изменились требования к капиталу страховых компаний, после финансового кризиса 2008 года в США появилось правило разделения классического банкинга и инвестиционной деятельности.

Человек учится на своих ошибках, на своей истории и вводит такие изменения в свое наличное существование, которые помогут в будущем избежать повторения неудачного прошлого. Если вновь созданные правила или институты признаются необходимыми для функционирования социального, то они воспринимаются необходимыми частями этого социума. Изучая прошлое, историк знает, как в конечном счете изменится социальный организм в недалеком будущем. Это помогает ему искать недостающие документы, усиливая эмпирическую репрезентативность источниковедческой базы для утверждения своей гипотезы. То есть, уже на первом шаге исследования, поиске независимых свидетельств прошлого, историк знает те свидетельства, которые он ищет. Таким образом, одно и то же действие, сбор предварительной эмпирической информации, оказывается разным в естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах из-за интенциональности этой работы. Естествоиспытатель ищет данные, чтобы установить взаимосвязь признаков, но сам характер взаимодействия до формирования теории может ему быть неизвестен. Историк ищет данные, утверждающие решающее изменение части в составе социального целого. При этом ему дан момент времени, где есть прошлое, настоящее, будущее и переход к другому событийному временному ряду. Лучше всего эта ситуация описана у св. Августина. «Я собираюсь пропеть знакомую песню; пока я не начал, ожидание мое устремлено на нее в целом; когда я начну, то по мере того, как это ожидание обрывается и уходит в прошлое,

¹² Степин В.С. Теоретическое знание М., Прогресс-Традиция, 2000 С. 157.

туда устремляется и память моя. Силы, вложенные в мое действие, рассеяны между памятью о том, что я сказал, и ожиданием того, что я скажу. Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переправляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем короче становится ожидание и длительнее воспоминание, пока, наконец, ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено; оно теперь все в памяти. То, что происходит с **целой** песней, то происходит и с каждой ее **частицей** и с каждым слогом; то же происходит и с длительным действием, **частицей** которого является может быть, эта песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается, как **из частей** из человеческих действий; то же со всеми веками, прожитыми «сынами человеческими», которые **складываются, как из частей**, из всех человеческих жизней». ¹³ Выделенные мною в тексте словосочетания подчеркивают телеологический характер такого типа описания.

Если мы рассмотрим телеологическое описание само по себе, как бы *Ziel an sich*, то должны согласиться, что его наличие в исследовании не умаляет достоинство исследования. Наоборот, когда в естествознании ищут «существенные связи и отношения между объектами», часто под ними подразумевают связь части и целого. Методологические проблемы же телеологического объяснения возникают в двух случаях: 1) при определении количественных параметров искомого признака, 2) при операции деления понятия.

Количественный критерий существенно важен для любого научного исследования. Собственно говоря, современная наука начинается с применения точных количественных параметров в механике, физике, химии, биологии. Современные общественные и гуманитарные науки также постепенно переходят на точные количественные методы при работе с объектами. Однако, если в естествознании с помощью приборной ситуации удастся достичь относительной независимости искомого признака от сопутствующих ему попутных характеристик для его точного измерения, то в гуманитарных науках при телеологической связи невозможно отделить какой-либо один признак от свойств системного взаимодействия на него других частей. Поэтому, исследуя какой-либо конкретный объект, ученый гуманитарий перед началом количественных измерений обязан установить все системные качества изучаемого объекта и связь между ними. Так, исследуя количественные параметры индустриализации СССР в XX веке в 1929 — 1939 годах, недостаточно сравнивать отдельные количественные показатели произведенного продукта между годами, нужно принимать во внимание качество этого продукта, его реальную стоимость, его роль в экономике страны, создание новых профессий, переход населения в целом с сельскохозяйственного производства на индустриальное, создание новых индустриальных центров на Урале, Севере, Сибири. Таким образом, выделенный нами в начале статьи критерий «логика против статистики» оказывается в свою очередь сильно зависимым от законов логики, но применимым не непосредственно к оценке исторического события, а прежде всего к методологии исторического исследования.

Операция логического деления понятий лежит в основании способности человека мыслить рационально. Требование не смешивать при этой операции родо-видовые признаки

¹³ Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь: Абельяр П. История моих бедствий. : - М.: Республика 1992 335 с. С. 176 — 177.

и признаки по основанию части и целого входит в большинство учебников логики. При этом, если неполнота по родо-видовому признаку не приводит к существенным нарушениям в познании предмета (так исследование семейства утиных, рода лебедей можно было проводить и до открытия Австралии), то неполнота деления по признаку части и целого всегда считалась логической ошибкой. При этом необходимо помнить, что сама операция деления происходит в какой-то один момент времени, т. е., она не может охватить разные по временному признаку объекты, если в течение времени эти объекты качественно изменяются. Мы можем вслед за Клаузевицем объявить Наполеона создателем тоталитарной военной системы, но невозможно не видеть существенных различий, внесенных в эту систему прусским милитаризмом, приведшим к созданию Германской Империи и практикой Людендорфа, примененной им во время Первой мировой войны. Без этих нововведений, изменивших объект приложения тоталитарного господства на все население своей страны и завоеванной территории, понять причину немецкого тоталитаризма XX века невозможно.

Все это создает существенные сложности в гуманитарных науках, которые, с одной стороны, стремятся перейти на количественные методы решения своих задач, а с другой, — из-за реконструкции репрезентативного массива источниковедческой базы и реального процесса развития человеческого общества, могут недооценить или переоценить ту или иную часть человеческого социума в процессе исторического развития.

Как следствие этого в среде ученых гуманитариев может возникнуть мифологическое сознание, характерные признаки которого выделяют Ю.М. Лотман и Б.А. Покровский.

«Мир в мифологическом сознании состоит из объектов одноранговых, но иерархичных в семантически-ценностном плане; нерасчлененных на признаки, но расчлененных на части; однократных, но одновременно рассматриваемых в связи с другими предметами как один предмет... Любая часть в мифологическом мире не характеризует целое, а отождествляется с ним.»¹⁴

Так вполне естественные ошибки, допускаемые в процессе реформирования СССР и России Горбачевым и Ельциным в конце XX века, могут ставиться им в персональную вину, как сознательно совершенные преступления. Хотя в том, что оба эти человека оказались на вершине власти в стране, не будучи готовыми к выпавшим на их долю задачам, виноваты не только они, но и вся система отбора и подготовки высших руководящих кадров государственной и партийной службы СССР, которая создавалась под «мудрым руководством» товарища Сталина. Поэтому, без оценки Сталина, сталинизма и истории советской и постсоветской России невозможно оценить по критерию «лучше — хуже» результаты правления обоих этих политиков. В конечном счете и Горбачев, и Ельцин совершенно искренне служили одной идее — сделать жизнь в стране лучше. Один с помощью социалистической демократии, другой — при помощи рыночного плюрализма. В обоих случаях они замещали частью целое, и тем самым изменяли не реальную Россию, а лишь создавали свой собственный миф о России. Как считает, уже упомянутый нами С

¹⁴ Миф – имя – культура. (в соавторстве с Ю.М. Лотманом) // Успенский Б.А. Избранные труды, т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, С. 435

Кордонский: «Наше государство ведь создано путем подражания. Петр взял что-то с Запада и превратил в «бороды брить да пушки лить». Потом взяли Маркса и превратили в то, что у нас называется социализмом. Потом рынок из-за границы превратили в то, что у нас называется «рынком», но ни в коей мере рынком не является».¹⁵

Союз Советских Социалистических Республик был в большой мере идеологическим государством. В рамках этой идеологии, которую разделял и генеральный секретарь КПСС, он руководствовался мифом о демократизации. Можно утверждать, что распад СССР был обусловлен крахом определенной идеологии. К сожалению, переход к «демократической» России был замешан на примитивной мифологии «естественной силы» рынка, государства, успеха. То, что до сегодняшнего дня новая идеология так и не была четко сформулирована, свидетельствует о том, что мы до сих пор находимся в рамках мифологического сознания.

Mythology as an aspect of historical knowledge

Abstract: The article discusses the modern quantitative approach in historical science related to the processing of statistical materials. The shortcomings of this approach are analyzed from the point of view of the third antinomy of I. Kant. The dependence of scientific and ideological conclusions in historical science is shown. The danger of myths in historical science is analyzed.

Keywords: logic of history, science, mythology, ideology, simple and complex.

¹⁵ <https://lenta.ru/articles/2019/11/02/jugajaga/>